

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>
EDN: PNABNW

Научная статья / Research Article

Установление отцовства в истории советского права

А.Е. Епифанов^{1,2} , В.А. Мун³

¹Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва,
Российская Федерация

³Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
 mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. Цель работы – исследование эволюции советского законодательства об установлении отцовства, охватывающее ключевые этапы его формирования и изменения на протяжении XX в., а также особенности правоприменительной деятельности судов. Особое внимание уделяется влиянию социальных и идеологических факторов на правовые нормы, регулирующие этот важный аспект семейных отношений. Анализируется, как законодательные инициативы отражали потребности общества и изменяющиеся представления о семье и родительстве. В заключении подчеркивается значение исторического опыта советского права для современного семейного законодательства, а также необходимость дальнейшего анализа правовых норм в контексте современных вызовов и изменений в обществе. Сформулирован вывод о том, что первые законодательные инициативы Советского государства, касающиеся регулирования института отцовства, подчеркивали принцип равенства между детьми, рожденными в браке, и теми, кто появился на свет вне брака, при этом основным критерием для установления отцовства было кровное родство. В середине 1920-х гг. акцент сместился на фактические отношения с женщиной и совместное ведение хозяйства, что стало основанием для признания отцовства в отношении ребенка. Ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин в 1930–1940-е гг. было вызвано стремлением восполнить демографические потери и выражалось в запрете аборт, усилении ответственности за злостный неплатеж алиментов, усложнении процедуры развода, запрете судебного установления отцовства. Начиная со второй половины 1950-х гг. советские законы о браке и семье в вопросах установления отцовства воплощали идею волевого фактора взамен биологического или нормативного.

© Епифанов А.Е., Мун В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: отцовство, детство, семья, брак, «сезонные браки», фактическое сожительство, семейное право, алименты, экспертиза

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Епифанов А.Е. – общая концепция статьи, введение, выводы, общая редакция; Мун В.А. – основная часть, список литературы.

Поступила в редакцию: 9 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Епифанов А.Е., Мун В.А. Установление отцовства в истории советского права // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>

Establishing paternity in the history of Soviet law

Alexander Y. Epifanov^{1,2}, Victoria A. Mun³

¹State University of Management, Moscow, Russian Federation

²Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russian Federation

³O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation

mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the evolution of Soviet legislation regarding the establishment of paternity, covering the key stages of its formation and changes throughout the twentieth century, as well as the specifics of the law enforcement activities by the courts. Special attention is given to the influence of social and ideological factors on the legal norms governing this important aspect of family relations. The article analyzes how legislative initiatives reflected societal needs and changing ideas about family and parenthood. In conclusion, it emphasizes the significance of historical experience of Soviet law for modern family law and highlights the necessity for further analysis of legal norms in light of contemporary challenges and societal changes. It is concluded that the initial legislative initiatives of the Soviet state concerning the regulation of paternity emphasized the principle of equality between children born in marriage and those born out of wedlock, with consanguinity as the main criterion for establishing paternity. In the mid-1920s, the focus shifted to actual relationships with women and joint household management, which became the basis for recognizing paternity concerning a child. The tightening of state control over women’s reproductive function in the 1930s and 1940s was driven by a desire to compensate for demographic losses. This manifested in prohibitions of abortions, increased penalties for malicious non-payment of alimony, complications in divorce procedures, and restrictions on judicial establishment of paternity. From the second half of the 1950s onward, Soviet laws on marriage and family concerning paternity embodied a volitional factor rather than a biological or normative one.

Key words: fatherhood, childhood, family, marriage, “seasonal marriages”, de facto cohabitation, family law, alimony, expertise

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors’ contribution: Epifanov A.E. – general concept of the article, introduction, conclusions and overall editing; Mun V.A. – main body of the article and references.

Received: 09th November 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Epifanov, A.E., Mun, V.A. (2025) Establishing paternity in the history of Soviet law. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 7–20. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>

Введение

История развития советского права об установлении отцовства представляет собой многогранный и динамичный процесс, который отражает не только юридические, но и социальные изменения, происходившие в Советском Союзе на протяжении XX в. В условиях быстро меняющегося общества, где идеология и социальные нормы претерпевали значительные трансформации, вопросы, связанные с правами и обязанностями родителей, становились все более актуальными. Установление отцовства как правового института не только определяет юридический статус ребенка, но и формирует основы семейных отношений, влияя на социальные практики и правосознание граждан.

В советской историографии тема отцовства была предметом рассмотрения как один из аспектов оснований возникновения правоотношений между родителями и детьми, однако затруднительно выделить работу, раскрывающую комплексно эволюцию нормативного содержания института отцовства в Советском государстве. Так, можно отметить статьи А.С. Муравьевой «Из истории развития законодательства о судебном установлении отцовства» (Murav'eva, 1973), И.П. Гришина «История развития советского законодательства об установлении отцовства» (Grishin, 1976), В.М. Кошкина «Основания удовлетворения иска об установлении отцовства» (Koshkin, 1976). Юристы в большей степени исследовали актуальные вопросы, проистекавшие из судебной практики.

В зарубежной историографии интерес относительно института отцовства в Советском государстве обуславливался стремлением проанализировать особенности демографической политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время (Nakachi, 2006), попыткой осмыслить степень вовлеченности государства в частную жизнь и граждан в общественную сферу (Kawamoto, 2015). Интересным представляется исследование, посвященное изучению правового регулирования презумпции отцовства в советском праве в контексте сравнительно-правового анализа советского и современного российского законодательства (Lekanova, 2022).

В современный период проблемы, связанные с изучением института отцовства, во-первых, в большей степени рассматриваются историками, социологами, психологами, а во-вторых, изучаются с точки зрения различных сторон семейных отношений, в контексте анализа семьи, материнства и детства. Так, различные стороны семьи, включая особенности формирования института отцовства, затрагиваются в работах историков Н.Л. Пушкаревой, Н. Б. Лебиной, Е.А. Вороновой. Большую лепту в изучении темы отцовства внесли социологи (И.С. Кон, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина и др.). Тема отцовства является предметом изучения и психологов (К.Н. Белогай, Ю.В. Борисенко, И.С. Петронюк и др.).

Между тем анализ исторического пути развития советского права об установлении отцовства посредством историко-правового метода позволит выявить ключевые

тенденции и закономерности, которые не только отражают изменения в правовой системе, но и служат индикаторами социальных изменений. Важным аспектом данного исследования является понимание того, как законодательные инициативы реагировали на вызовы времени и как они формировали правосознание граждан. Указанное обуславливает актуальность исследования.

С самого начала своего существования советское законодательство стремилось учесть интересы всех сторон, вовлеченных в процесс установления отцовства. Нормативные акты, принятые в первые годы Советской власти, отражали революционные изменения в обществе, когда традиционные представления о семье и родительстве подвергались критике и пересмотру. В этот период акцент делался на равенстве прав мужчин и женщин, что отразилось в новых подходах к установлению отцовства и материнства.

С течением времени, в зависимости от политической ситуации и социальных потребностей, законодательство претерпело изменения. В период Великой Отечественной войны отменялось право установления отцовства в отношении детей, родившихся вне зарегистрированного брака. В послевоенные годы, когда акцент сместился на восстановление и укрепление семейных ценностей, нормы, регулирующие установление отцовства, стали более строгими и детализированными. Это было обусловлено необходимостью адаптации правовой системы к новым реалиям, связанным с изменением структуры семьи и увеличением числа неполных семей.

Таким образом, статья направлена на глубокое исследование эволюции советского законодательства об установлении отцовства, его влияния на современное семейное право и выявление уроков, которые могут быть полезны для дальнейшего развития правовых норм в условиях современных социальных изменений.

Установление отцовства в первые годы Советской власти

Правовое регулирование института отцовства сводится к вопросу о том, на каком основании следует устанавливать юридическую связь между ребенком и предполагаемым отцом. Декрет от 18 декабря 1917 г. установил заявительный порядок определения отцовства и материнства: отцом и матерью ребенка считались лица, которые подавали соответствующее заявление. В случае отказа отца признать внебрачного ребенка матери или опекуну предоставлялось право обратиться в суд и доказать отцовство (статья 10)¹. Тем самым впервые было провозглашено право устанавливать отцовство в судебном порядке в случае отказа отца от соответствующего заявления в добровольном порядке.

В основе норм Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый 16 сентября 1918 г. (далее – Кодекс 1918 г.), посвященных вопросам установления отцовства, зияла идея действительного (биологического) происхождения. Нивелировалось различие между родством внебрачным и брачным. В случае если графы о родителях (или об одном из них) были пустыми, то заинтересованные лица могли обратиться в суд для установления отцовства (статья 135). Беременная и не замужняя женщина была вправе обратиться с заявлением в регистрирующий орган с указанием данных об отце еще не родивше-

¹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11, ст. 160.

гося ребенка. Данное право могло быть реализовано в срок от трех месяцев до родо-разрешения (статьи 49, 140). Если указанный в заявлении отец в течение двух недель не подавал свои возражения, то презюмировалось, что он признавал себя отцом ребенка (статья 141). В противном случае дело рассматривалось в суде в общем порядке, при этом судье надлежало выяснить «естественный ход вещей». Вместе с постановлением о признании лица отцом суды разрешали вопрос не только об алиментах на ребенка, но и об участии его в расходах, вызванных беременностью и предстоящими родами (статья 143)². Таким образом, Кодекс 1918 г. предусматривал *заявительный и судебный порядок* установления отцовства, причем в последнем случае суд стремился установить *биологическое родство*, а при невозможности ответственность возлагалась на всех предполагаемых кровных отцов.

В период перехода к новой экономической политике были заложены основы законодательства о семье в ряде союзных республик, в основном созданного по образцу законодательства РСФСР. Однако не все советские социалистические республики в этот период разработали отдельные семейные кодексы. Например, в Азербайджанской ССР брачно-семейные отношения регулировались через нормы семейного права, которые были интегрированы в Гражданский кодекс 1923 г. в виде специального раздела. В то же время в РСФСР наблюдалось постепенное складывание судебной практики, касающейся применения новых законодательных актов, касающихся брачно-семейных отношений, и стремительное внедрение социалистических норм семейного права и морали в повседневную жизнь. В этот период в действовавшее законодательство были внесены отдельные поправки, основанные на опыте применения Кодекса 1918 г. Примечательно, что судебная практика уже тогда защищала права женщин, находившихся в незарегистрированных браках, тем самым признавая фактические отношения и приравнивая их к зарегистрированным бракам в определенной степени (Boshko, 1952). Во многом такое положение дел обуславливалось распространением так называемых «сезонных браков», когда женщины принимались в хозяйство с условием выполнения обязанностей «временной фактической жены предпринимателя или его сына» на определенный период (сезон) (Murav'eva, 1973).

Как следствие, Кодекс законов о браке, семье и опеке, принятый 19 ноября 1926 г. (далее – Кодекс 1926 г.) в попытке решить данную проблему, предусматривал механизм правовой защиты фактических брачных отношений³. Примечательно, что наряду с поддержкой правовой охраны фактических брачных отношений раздавались голоса, требовавшие не обеспечивать правовой защитой незарегистрированные браки, высказывались предложения ограничить право на алиментирование, утверждалось, что «только дети, рожденные от родителей, состоящих в зарегистрированном браке, могут пользоваться защитой со стороны государства» (Grishin I.P., 1976). Таким образом, новый семейный кодекс еще раз подчеркнул ту важную мысль, что семья основана на действительном *кровном происхождении*, без власти отца и без супружеской власти, на началах полного равноправия обоих родителей и супругов» (Brandenburgskii, 1928).

Кодекс 1926 г. сохранил за матерью право обратиться в соответствующий регистрирующий орган, указав данные об отце ребенка, только теперь без ограничения

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818.

³ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612.

срока (статья 28). Указанный в таком заявлении отец мог оспорить отцовство в течение одного года (статья 29). При наличии нескольких ответчиков по делам об установлении отцовства суду надлежало признать одного из них отцом ребенка (статьи 30, 32).

При этом в инструктивном письме Верховного суда РСФСР обращалось внимание судов на то, что, разрешая дела, связанные с установлением отцовства, ошибкой является принятие судом заявления об отказе от иска по тем основаниям, что «истца иск не доказала». Суды должны были принимать во внимание, что зачастую обращающиеся за судебной защитой женщины были «малограмотные или не грамотные». С другой стороны, наряду с неосновательными отказами в установлении отцовства некоторые суды, напротив удовлетворяли иски при полном отсутствии доказательств, ссылаясь при этом на необходимость содержать ребенка. Учитывая неоднозначную судебную практику и сложности, возникавшие на практике, Верховный суд РСФСР акцентировал внимание на том, что суды обязаны проявлять активность и оказывать помощь сторонам в поиске необходимых доказательств. При анализе доказательств по искам о признании отцовства было необходимо детально исследовать ряд факторов, таких как совместное проживание, демонстрация брачных отношений в присутствии посторонних и предоставление финансовой помощи. Судебная практика показывала, что некоторые суды, устанавливая отцовство, особенно в случае его оспаривания, прибегали к анализу интимных аспектов семейной жизни. Верховный суд РСФСР отметил, что такие действия напоминают унижительные обычаи дореволюционного времени, сопровождающиеся ложными свидетельствами и скандальными бракоразводными процессами. Наконец, судебным инстанциям было разъяснено, что при рассмотрении дел данной категории необходимо стремиться к всестороннему выяснению обстоятельств, чтобы обеспечить уверенность в правильности вынесенного решения⁴.

Изменения в нормативном регулировании института отцовства в 1930–1940-х гг.

1930-е гг. ознаменовывались кардинальной сменой государственной демографической политики, согласно которой отныне вопрос деторождения ставился под контроль государства. С 1936 г. проводилась государственная политика, запрещающая аборт, усиливалась ответственность за злостный неплатеж алиментов, усложнялась процедура развода⁵. Дальнейшее ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин было вызвано стремлением восполнить послевоенные демографические потери.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1939 г. отмечались недостатки в рассмотрении дел об установлении отцовства. Помимо частых процессуальных ошибок при проведении досудебной подготовки дел и неверной оценке судами доказательств отмечалось, что в случае, если принятыми судом

⁴ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. М., 1935, С. 136–145.

⁵ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34, ст. 309.

мерами место нахождения ответчика не могло быть установлено, суд должен был вынести постановление о производстве розыска ответчика⁶.

Однако даже в случаях, когда розыск объявлялся, как показывала практика, исполнение данного постановления было зачастую неэффективным. Администрации предприятий и организаций не всегда выполнялись требования закона об удержании алиментов на основании отметок в паспортах «Обязан к уплате алиментов», осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов, а также о своевременном сообщении об увольняемых плательщиках алиментов и пересылке исполнительных листов. Допускались серьезные недостатки и в работе органов внутренних дел, которые не принимали необходимых мер для улучшения работы по розыску лиц, уклонявшихся от уплаты алиментов и организации их точного учета. Органы прокуратуры недостаточно осуществляли надзор за точным выполнением постановлений о розыске⁷.

Мужчина и женщина, проживавшие совместно без регистрации брака до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. (далее – Указ от 8 июля 1944 г.), могли оформить свои отношения путем последующей регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни. Признание юридических последствий в суде между мужчиной и женщиной, не зарегистрировавших брак, допускалось только в виде исключения, например, вследствие смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов. Если же лица начали фактические брачные отношения после принятия данного указа, то они не могли быть признаны супругами. Правовые последствия для такого сожительства наступали только в случае последующей регистрации брака и соответственно с момента регистрации брака⁸. Таким образом, основанием возникновения отцовства являлось *вступление в брак* родителей ребенка до признания отцовства.

Указ от 8 июля 1944 г., имевший целевую направленность на укрепление семьи, поощрение материнства и увеличение численности населения Советского Союза, отменил как регистрационное, так и существовавшее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства в отношении ребенка, родившегося от незарегистрированного брака. До принятия указа фактический отец ребенка определялся без учета его официального брачного статуса с матерью, поэтому суды не рассматривали вопрос о наличии зарегистрированного брака между родителями. Суды рассматривали лишь вопрос о действительном происхождении ребенка (Grave, Pergament & Mal'sman, 1950). В то же время, делая основной упор исключительно на зарегистрированные браки одинокой женщине, не имеющей мужа, предоставлялись те же права на материальную помощь со стороны государства и почет, что и матери, состоявшей в зарегистрированном браке (Golyakova, 1948).

Указ Президиума Верховного Совета ССР от 14 марта 1945 г. предусматривал, что отцовство могло быть признано и в отношении внебрачных детей, при условии,

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15.11.1939 г. «О судебной практике по делам о признании отцовства и о взыскании средств на содержание детей» // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во, 1946 (тип. изд-ва «Моск. рабочий»). С. 157–161.

⁷ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 3.

⁸ Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

что родители вступают в брак до установления отцовства (статья 3)⁹. Таким образом, рассматриваемый Указ установил три ключевых юридических факта, необходимых для возникновения отцовства: 1) наличие кровного родства между отцом и ребенком, 2) зарегистрированный брак между родителями внебрачного ребенка, 3) признание отцовства после вступления в брак с матерью ребенка. Эти условия определяли легитимность отцовства в контексте внебрачных отношений (Salumaa, 1973). После издания Указа от 8 июля 1944 г. дела об установлении отцовства, находившиеся на рассмотрении судебных органов, были приостановлены, а после издания Указа от 14 марта 1945 г. в большем числе случаев имело место прекращение производством этих дел (Pergament, 1949).

Установление отцовства в отношении детей, родившихся после 1 октября 1968 г.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (далее – Основы), введенные в действие с 1 октября 1968 г., предусматривали, что основанием для возникновения брачно-семейных отношений между родителями и детьми является происхождение детей, удостоверенное в установленном порядке. Законодательно устанавливалась как возможность добровольного признания отцовства в регистрирующих органах, так и судебное установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Таким образом, были созданы правовые механизмы для легализации отцовства и обеспечения прав детей, независимо от статуса родителей¹⁰.

Согласно статье 16 Основ, установление отцовства в судебном порядке было возможным при выполнении двух условий. Во-первых, необходимо, чтобы ребенок был биологически связан с ответчиком. Во-вторых, должны иметь место одно или несколько обстоятельств, указанных в законе, таких как совместное проживание и ведение общего хозяйства между ответчиком и матерью ребенка до его рождения, а также совместное воспитание или содержание ребенка и другие аналогичные ситуации. Упомянутые обстоятельства играли важную роль, поскольку их наличие обычно свидетельствовало о стабильности отношений между отцом и матерью ребенка. Такие отношения имели признаки семейных, что являлось юридически значимым обстоятельством. В соответствии с общим правилом, закон не предоставлял защиты случайным связям между мужчиной и женщиной, что подчеркивало важность устойчивости и серьезности их взаимодействия.

Если отец ребенка умер и его отцовство не было указано надлежащим образом, то заинтересованные лица могли обратиться в суд только в том случае, если ребенок родился до 1 октября 1968 г., т.е. до вступления в силу Основ (статья 3 Основ). В данной ситуации для установления факта отцовства юридически важным было доказать, что умерший еще при жизни признавал ребенка как своего сына или свою дочь.

⁹ Указ Президиума ВС СССР от 14.03.1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.

¹⁰ Закон СССР от 27.06.1968 г. № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27, ст. 241.

Таким образом учитывалось публичное проявление фактически сложившихся у сторон супружеских отношений, а не только совместное проживание и ведение хозяйства¹¹.

Практика применения судами и органами записи актов гражданского состояния РСФСР законов о браке и семье за 1970 г. показала, что отцовство в отношении детей устанавливалось в основном в добровольном порядке – по заявлениям родителей в органы записи актов гражданского состояния. Так, по сведениям, полученным от органов записи актов гражданского состояния 20 АССР, краев и областей, в 1969 г. произведено записей актов об установлении отцовства по заявлению родителей в отношении 50 913 детей или 91 % от общего числа актов об установлении отцовства, в 1970 г. в отношении 62 330 детей (93,6 %) и за 9 мес. 1971 г. в отношении 44 396 детей (94 %). В судебном же порядке было установлено отцовство в 1970 г. в отношении 1595, а за 9 месяцев 1971 г. – в отношении 1093 детей. В целом по РСФСР судами в 1970 г. было рассмотрено 9667 дел об установлении отцовства и 8802 дела об установлении факта признания отцовства¹².

При рассмотрении дел об установлении отцовства в суде юридически значимым являлся *устойчивый характер отношений* между матерью и отцом ребенка, даже если ответчик не имел источника дохода и был неплатежеспособен. В этом случае для установления отцовства мог быть принят во внимание факт воспитания им ребенка (Koshkin, 1976).

С другой стороны, для разрешения дел об установлении факта отцовства (в порядке особого производства) закон из числа названных юридических фактов выбрал исключительно «материальный аспект», т. е. факт *содержания ребенка*. «Этого и достаточно, поскольку в совокупности признание умершим отцовства в отношении ребенка и содержание его дают основание предполагать, что если бы фактический отец был жив, то после вступления Основ оформил бы свое отцовство. Но раз есть основания для такого предположения, то вместо не успевшей получить внешнего выражения воли отца может быть принято судебное решение об установлении факта признания отцовства» (Ihsanov & Lyah, 1976).

Подобная позиция поддерживалась юристами, поскольку важным являлось доказывание именно *признания ребенка* предполагаемым отцом, а не кровное родство. Более того, все доказательства с достоверностью, подтверждавшие признание ответчиком отцовства, могли не подтвердить кровного родства, что в свою очередь, приводило бы к вынесению решения, основанного на предположениях о кровной связи (Vaneeva, 1976).

Еще один актуальный вопрос, не находивший разрешения в законе, касался установления в судебном порядке факта признания отцовства лицом, умершим до рождения ребенка. В юридической литературе встречались противоречивые мнения по данному вопросу. Так, одни юристы полагали необходимым устанавливать факт отцовства в случае смерти фактического отца до рождения ребенка. Другие исходили из того, что поскольку ребенок на иждивении предполагаемого отца не находился, об установлении отцовства не могло быть и речи. Некоторые суды так и поступали. Так «Президиум Алма-Атинского городского суда постановлением от 14 ноября 1974 г. отменил решение нарсуда и отказал гражданке Ч. в установлении факта признания отцовства по мотиву, что ребенок Ч. родился после смерти С., следовательно,

¹¹ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 330. Л. 16.

¹² ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 47–48.

не мог находиться на его иждивении, а С. не мог признавать себя отцом этого ребенка» (Ihsanov & Lyah, 1976).

Случаи удовлетворения заявления, когда предполагаемый отец умирал до рождения ребенка, в последующим имели место в Карельской, Мордовской АССР, Курской, Новгородской областях. При этом одной из основных ошибок, допускаемых судами при рассмотрении исков об установлении отцовства, являлось неправильное понимание ими одного из условий, необходимых для признания отцовства – «совместное проживание и ведение общего хозяйства»¹³.

Еще одним аспектом, который привлек внимание юристов, было то, какое основание при установлении отцовства следует считать основным: биологическое родство или фактическое признание отцовства. В этом контексте В.А. Рясенцев отмечал, что действовавшее законодательство допускает возможность признания отцовства даже в случаях, когда лицо осознает, что не является биологическим отцом ребенка. При этом органы ЗАГС не имеют права препятствовать такой записи (Ryasencev, 1971). Я.Р. Веберс высказывал предложение о легитимации добровольного признания отцовства в случаях, когда отсутствует биологическая связь (Vebers, 1968). Аналогичным образом С.Я. Паластина полагала, что «в интересах ребенка целесообразно придать правовое значение добровольному признанию отцовства лицом, заведомо знавшим о происхождении ребенка от другого отца». Противники же подобного подхода исходили из того, что единственным основанием возникновения отцовства должно быть кровное родство, в противном случае имеет место усыновление (Е.М. Белогорская, Е.М. Ворожейкин, А.И. Пергамент) (Palastina, 1973).

Наконец, вопрос о том, вправе ли суд установить факт признания отцовства лицом, умершим до рождения ребенка, был поставлен и перед судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР «по делу К. об установлении факта признания отцовства в отношении ребенка, родившегося после смерти отца. Судебная коллегия указала, что отсутствие иждивения само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования об установлении факта признания отцовства, если возможность иждивения была объективно исключена» (Palastina, 1979). Таким образом, правовой позицией Верховного Суда РСФСР был восполнен законодательный пробел, что в конечном счете привело в последующем к единообразию судебной практики.

Стоит отметить, что роль Верховного суда РСФСР в том числе в вопросах установления отцовства заключалась не только в обеспечении единства судебной практики, но и выполнении «в качестве субъекта управления в области юстиции» ряда организационных управленческих полномочий (Burdina & Fomina, 2022). Так, Прокуратурой РСФСР совместно с Верховным судом РСФСР проводились кустовые учебно-методические семинары начальников отделов по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел прокуратур АССР, краев и областей, заместителей председателей Верховных судов АССР, краевых, областных и городских судов по изучению практики применения законодательства о браке и семье¹⁴.

Примечательно, что после вступления в силу Основ обнаружилось, что правом установления отцовства в судебном порядке воспользовалось относительно небольшое число одиноких матерей. Опрос 100 респондентов, проживавших в Минске, позволил получить ответы, согласно которым 15 % женщин проживали одной семьей

¹³ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 85

¹⁴ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 83.

с отцом ребенка, находясь в фактических отношениях с ним, 35 % женщин стремились к сознательному материнству, 8 % не желало обращаться за судебной защитой вследствие алкоголизма отца ребенка, 20 % женщин суд уже отказал в удовлетворении отцовства, 20 % – ответили, что уже установили отцовство» (Yakovleva, 1979).

Заключение

История развития советского права об установлении отцовства представляет собой яркий пример того, как юридические нормы могут адаптироваться к социальным и культурным изменениям, происходящим в обществе. Анализ ключевых этапов эволюции законодательства показывает, что установление отцовства в Советском Союзе не было статичным процессом, а, напротив, динамично реагировало на вызовы времени, отражая изменения в общественных ценностях, идеологии и семейных структурах.

С начала 1920-х гг., когда акцент делался на равенство прав мужчин и женщин, до послевоенных лет, когда восстановление традиционных семейных ценностей стало приоритетом, законодательство претерпело значительные изменения. Эти трансформации не только обеспечивали защиту прав детей и родителей, но и способствовали формированию нового правосознания, которое учитывало интересы всех участников семейных отношений. Важно отметить, что советское законодательство стремилось не только к юридической регламентации, но и к социализации правовых норм, что способствовало формированию более справедливых и гуманистических подходов к установлению отцовства.

Первые законодательные инициативы Советского государства, касающиеся регулирования института отцовства, подчеркивали принцип равенства между детьми, рожденными в браке, и теми, кто появился на свет вне брака. Это означало, что фактические отношения и зарегистрированный брак рассматривались как равнозначные. До 1926 г. основным критерием для установления отцовства был биологический фактор, т. е. кровное родство, однако после принятия Кодекса 1926 г. акцент сместился на фактические отношения мужчины и женщины и совместное ведение ими хозяйства, что стало основанием для признания отцовства в отношении ребенка.

С 1936 г. проводилась государственная политика, запрещавшая аборт, усиливалась ответственность за злостный неплатеж алиментов, усложнялась процедура развода. Дальнейшее ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин было вызвано стремлением восполнить послевоенные демографические потери. В заключение Указом от 8 июля 1944 г. было установлено, что отцовство может быть признано исключительно при наличии официально зарегистрированного брака. Этот нормативный подход к определению отцовства дополнялся запретом для матерей на обращение в суд с исками об установлении отцовства и взыскании алиментов, если ребенок был рожден от мужчины, с которым женщина не состояла в законном браке.

Демократизация брачно-семейного законодательства связана с обновлением брачно-семейного законодательства в 1960-х гг. Отныне установление отцовства было возможно лишь при наличии предусмотренных доказательств, совокупность которых свидетельствовала бы о факте сожителства матери ребенка и предполагаемого отца. Такими доказательствами могли стать письма, анкеты, заявления, в которых мужчина признавал себя отцом ребенка. Примечательно, что на самом деле

это признание могло и не основываться на биологическом родстве. Важным было признание себя отцом ребенка.

В ходе исследования выявлено, что изменения в правовой системе отражали не только внутренние потребности общества, но и внешние факторы, такие как политические и экономические условия. Это подчеркивает важность контекстуального анализа при изучении правовых норм, так как они всегда находятся во взаимодействии с более широкими социальными процессами. Уроки, извлеченные из истории советского права об установлении отцовства, могут быть полезны для современных правоведов и законодателей, стремящихся к созданию более эффективного и справедливого семейного законодательства.

Таким образом, исследование истории советского права об установлении отцовства не только обогащает наше понимание правовой системы прошлого, но и открывает новые горизонты для анализа и реформирования современных норм. В условиях современных изменений в обществе, связанных с глобализацией, миграцией и изменением семейных структур, важно учитывать исторический опыт, чтобы создать правовые механизмы, которые будут отвечать потребностям и интересам всех участников семейных отношений.

References / Список литературы

- Boshko, V.I. (1952). *Essays on Soviet Family Law*. Kiev, Gospolitizdat of the Ukrainian SSR Publ. (in Russian).
Бошко В.И. Очерки советского семейного права. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.
- Brandenburgskii, Ya.N. (1928) *Course of family and marriage law*. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR Publ. (in Russian).
Бранденбургский Я.Н. Курс семейно-брачного права. М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 145 с.
- Burdina, E.V. & Fomina, L.Yu. (2022) The Supreme Court of the RSFSR as a legal form of supreme judicial power: to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 26(4), 808–825. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-808-825> (in Russian).
Бурдина Е.В., Фомина Л.Ю. Верховный Суд РСФСР как правовая форма верховной судебной власти: к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 4. С. 808–825. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-808-825>
- Golyakov, I.T. (ed.) (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny*. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR (in Russian).
Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2 частях. Ч. 1: Гражданское право. Трудовое право / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 432 с.
- Grave, K.A., Pergament, A.I. & Mal'cman, T.B. (1950) *Civil law*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature. (in Russian).
Граве К.А., Пергамент А.И., Мальцман Т.Б. Гражданское право. М. : Гос. изд-во юридической литературы. 1950. 256 с.
- Grishin, I.P. (1976) The history of the development of Soviet legislation on the establishment of paternity. *Problems of the state and law*. (12), 174–180. (in Russian).
Гришин И.П. История развития советского законодательства об установлении отцовства // *Проблемы государства и права*. 1976. Вып. 12. С. 174–180.
- Ihsanov, U.K. & Lyah, N.I. (1976) On the judicial establishment of the fact of recognition of paternity in relation to a child born after the death of his actual father. In: *Legal sciences:*

- collection of articles*. Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Kazakh SSR, Kazakh State University named after S. M. Kirov. Alma-Ata. (6), pp. 87–97 (in Russian).
- Ихсанов У.К., Лях Н.И. О судебном установлении факта признания отцовства в отношении ребенка, родившегося после смерти своего фактического отца. Юридические науки: сборник статей / Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР, Казахский государственный университет имени С.М. Кирова. Алма-Ата, 1976. Вып. 6. С. 87–97.
- Kawamoto, K. (2015) Public and Private Matters in Comrades' Courts under Khrushchev. In: Matsui, Y. (eds.). *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia*. Palgrave Macmillan, London. pp. 171–197. https://doi.org/10.1057/9781137547231_9
- Koshkin, V.I. (1976) Grounds for satisfying a claim for establishing paternity. *Soviet justice*. (12), 11–12. (in Russian).
- Кошкин В.И. Основания удовлетворения иска об установлении отцовства // Советская юстиция. 1976. № 12. С. 11–12.
- Lekanova, E.E. (2022) The presumption of paternity in the Soviet law. *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series: The Humanities*. 16(1), 100–109. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2022-1-100-109> (in Russian).
- Леканова Е.Е. Презумпция отцовства в советском праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 16(1). С. 100–109. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2022-1-100-109>
- Murav'eva, A.S. (1973) From the history of the development of legislation on the judicial establishment of paternity. *Pravovedeniye*. (5), 63–72. (in Russian).
- Муравьева А.С. Из истории развития законодательства о судебном установлении отцовства // Правоведение. 1973. № 5. С. 63–72.
- Nakachi, Mie (2006) N. S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language. *East European Politics and Societies and Cultures*. 20 (1), 40–68. <https://doi.org/10.1177/0888325405284313>
- Palastina, S.Ya. (1973) Grounds for the emergence of parental rights and responsibilities. *Pravovedeniye*. (6), 42–50. (in Russian).
- Паластина С.Я. Основания возникновения родительских прав и обязанностей // Правоведение. 1973. № 6. С. 42–50.
- Palastina, S.Ya. (1979) To the tenth anniversary of the Code on marriage and family of the RSFSR. *Soviet Justice*. (13), 5–7. (in Russian).
- Паластина С.Я. К десятилетию кодекса о браке и семье РСФСР // Советская юстиция. 1979. № 13. С. 5–7.
- Pergament, A.I. (1949) *Practice of the Supreme Court of the USSR on family law*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature. (in Russian).
- Пергамент А.И. Практика Верховного Суда СССР по вопросам семейного права. М. : Гос-е изд-во юридической литературы. 1949. 48 с.
- Ryasencev, V.A. (1971) *Family law*. Moscow, Legal literature Publ. (in Russian).
- Рясенцев В.А. Семейное право. М. : Юридическая литература, 1971. 293 с.
- Salumaa, E. (1973) The reasons for the emergence of fatherhood. *Soviet law*. 4 (40), 254–259. (in Russian).
- Салумаа Э. Основания возникновения отцовства // Советское право. 1973. № 4(40). С. 254–259.
- Vaneeva, L.A. (1976) The grounds for the emergence of the rights and duties of the father and their establishment in court. In: Ovchinnikov, I. (ed.). *Legal issues of civil law and procedure: thematic collection*. Vladivostok, Far Eastern State University. pp. 61–77. (in Russian).
- Ванеева Л.А. Основания возникновения прав и обязанностей отца и установление их в суде // Правовые вопросы гражданского права и процесса: тематический сб. / ред. И. Овчинников; Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 1976. С. 61–77.

- Vebers, Ya.R. (1968) Establishing paternity. Academic Notes of the University of Latvia. *Scientific Notes of the University of Latvia*. 7(10), 86. (in Russian).
Веберс Я.Р. Установление отцовства // Ученые записки Латвийского университета. Вып. 7. Т. 10. Рига, 1968. С. 86.
- Yakovleva G.V. (1979) *Protection of the rights of an unmarried mother*. Minsk, Publishing House of BSU. (in Russian).
Яковлева Г.В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 120 с.

Сведения об авторах:

Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Институт государственного управления и права Государственного университета управления; 109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99; профессор кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; 129090, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-код: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Мун Виктория Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993, Российская Федерация, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-код: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

About the authors:

Alexander Y. Epifanov – Doctor of Legal Science, Full Professor, Full Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management, Institute of Public Administration and Law of the State University of Management; 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russian Federation; Full Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”; 9/14, building 1 Meshchanskaya str., 129090, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-code: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Victoria A. Mun – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MGUA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-code: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru